

Ал. МИХАЙЛОВ

Связь времен

Леонид Мартынов для меня как читателя и критика — один из самых увлекательных и тонких собеседников, поэтому каждая встреча с ним на страницах новой книги или на страницах периодики волнующа: в его стихах почти всегда содержатся ферменты, ускоряющие и возбуждающие важнейшие процессы духовной жизни.

Если с этой точки зрения внимательно обозреть лирику Мартынова, скажем, за последние десять — двенадцать лет, то легко убедиться, что вся она пронизана глубоким чувством времени и предощущением добрых перемен в жизни. Еще в преддверии XX съезда КПСС поэт не только мечтает о переменах, он интуитивно ощущает уже начавшееся нравственное обновление общества. Помните: «Что-то новое в мире. Человечеству хочется песен»?

Некоторые существенные стороны поэзии Мартынова этих лет дают право говорить о ней как о поэзии мечты и надежды. Ну в самом деле, есть ли у нас сегодня еще другой такой фантазер и мечтатель, как Леонид Мартынов! Надежда на добрые перемены прямо-таки светится в его стихах:

Со старым,
Кажется, покончено!
Отринув все, что не годится,
От канцелярщины, казенщины
Решившая освободиться,—
Надежда в зеркальце глядится,
Еще не в силах убедиться,
Что звуки собственного голоса,
Что руки собственные, волосы —

Вот то,
Чем надо
Насладиться!

Вот где начало, оно — в человеке, с ним поэт связывает надежды на будущее и спокойно, без суесловия, но последовательно и убежденно внушает человеку веру в себя, в свои силы: «Люди, в общем, мало просят, но дают довольно много».

Еще будет повод сказать о некоторых особенностях поэзии Мартынова в связи с его новыми стихами, опубликованными выше, но разговор этот хотелось бы предварить двумя соображениями. Первое из них уже подсказано: хотя внешне лирический характер в поэзии Мартынова кажется спокойным, уравновешенным, даже как будто рациональным, по существу же он не таков. Это — «смерчевидный человек», который умеет «властвовать собой», но который весь состоит «из бушующих частиц»:

Потому что
И гранит таков:
Будь он цельным или будь разбитым,
Это — бездна пламенных мирков,
Бешено летящих по орбитам!

Нравственно чуткий, остро мыслящий, не укладывающийся в сочиненную критиками схему положительного героя — таков в самых общих чертах наш современник, явленный в стихах Мартынова и всегда находящийся в фокусе внимания поэта, о чем бы он ни писал.

Второе соображение касается интеллектуального кругозора; так же как и первое, оно связано с общей тенденцией современной поэзии. Но если нравственная сторона жизни, повышенный и, я бы сказал, пристрастный интерес к личности захватили буквально всю нашу поэзию, то интеллектуализм, философичность являются пока привилегией немногих поэтов-современников, и Мартынову здесь, безусловно, принадлежит одно из самых первых мест.

Реалистическая поэзия поистине выстрадала право мыслить. Это можно утверждать с полным основанием, ибо в течение уже многих десятилетий не прекращаются попытки обесмыслить поэзию, загнать ее в область подсознания, разъять чувство и разум и противопоставить их друг другу.

Обратимся к первоисточнику поэзии. Жизнь то и дело преподносит парадоксы, не укладывающиеся в привычные схемы. Социологи, к которым мы, литераторы, питаем чувство уважения, разумеется, найдут объяснение любым жизненным парадоксам, разместят их в логическом ряду. Но только живое воображение художника способно к постижению души явлений.

Тут нет никакой мистики. Все вполне объяснимо. Мысль художника обогащается его воображением, это мысль не абстрактная, а конкретная, материализованная в художественном образе и, стало

быть, оживленная чувством, сообщающим искусству огромную силу воздействия.

Когда мы говорим о творческой индивидуальности художника, то имеем в виду не только и даже не столько его поэтику, сколько мировосприятие и миропонимание. Высшей похвалой Е. Баратынскому были слова Пушкина: «Он у нас оригинален, ибо мыслит».

Каковы же сегодня критерии подхода к оценке явлений литературы и поэзии, в частности с этой точки зрения?

Рассуждая на эту тему в статье «Гейне-мыслитель», А. В. Луначарский, среди прочих особенностей, выделял «сложный и богатый процесс внутренней обработки полученного извне материала», более всего роднящий художника и мыслителя. Без аналитических способностей, без умения дать синтез чувства и мысли в художественном образе, дать новую, образную «систему понятий» и тем самым выразить свое миропонимание невозможно создать значительные произведения искусства.

Имея это в виду, нам легче понять тот тип художника-мыслителя, поэта-мыслителя, который складывается ныне. В современной поэзии я вижу его в лице Заболоцкого и Мартынова.

Этих двух поэтов объединяет обостренный интерес к развитию науки, к духовной сфере человеческого бытия. Оба они раньше других ощутили вызревавшие в глубине народной жизни духовные и нравственные перемены и задумались о времени, о человеке, о преходящем и вечном, о том, чем сегодня жив человек и что во все времена волновало людей.

Как уже отмечалось, философичность и расширение интеллектуального кругозора стали характернейшей особенностью современной советской поэзии. О прошлом, не очень далеком, верно сказано у Мартынова:

Видеть
Время, проходящее
По назначенному кругу,
Понимать происходящее
Редко ставилось в заслугу.
И еще гораздо менее
Поощрялось, позволялось
Предугадывать затмения...

Не с этим ли связано многолетнее молчание Мартынова, когда стихам большого советского поэта практически была закрыта дорога в печать?..

Слава богу, это дело прошлое, и мы стали свидетелями как бы нового явления Мартынова перед читателями. Он явился перед ними новым и непохожим на того, каким был известен два-три десятилетия назад, явился в новом качестве, обнаружив новые стороны, новые грани своего дарования в циклах стихов «Мгновенье», «Седьмое чувство», «Первородство».

О чем бы ни писал Мартынов — о сказочном Лукоморье или о раскопках Помпеи, о седой старине или XXI веке, о добре и зле, о лжи и правде, совести и свободе, — стихи его современны, прони-

заны острой мыслью, вовлекают читателя в сферу напряженных поисков истины.

Воображение поэта удивительно молодо. Оно переносит читателя в разные страны и эпохи, преодолевая века и пространства, и с непринужденностью личного свидетельства раскрывает мир страстей и желаний, созвучных нашему времени.

Иногда исторические факты, библейские мифы служат поэту поводом к размышлениям о проблемах, которые волнуют все человечество. Известно, как много стихов у Мартынова, с разных сторон и в разных ракурсах осмысливающих насущнейшую проблему современности — проблему войны и мира. Среди них есть стихи публицистического звучания («Свобода», «Вознесся в космос человек»), есть стихи, такие, например, как «Олива», где поэтический образ оливы, вечно живого, противостоящего всем стихиям дерева, есть символ бессмертия, символ торжествующей жизни («Ведь сколько ее ни рубили и сколько ее ни пилили, а все же ее не сгубили, а все же ее не свалили!»).

В публикуемом цикле стихов одним из самых оригинальных является стихотворение «Тоху-во-боху», где размышление о мире на земле вылилось в необычную форму.

В самом деле, эта действительно животрепещущая тема в наши дни не обойдена вниманием поэтов. Значительного написано, может быть, и не так уж много, но ведь чем больше об этом пишут, тем труднее написать по-своему, чтобы привлечь внимание читателя, заставить его задуматься, взволноваться. И Мартынов ищет свои подходы к теме, ищет неожиданные ракурсы.

Эмоциональная сила «Тоху-во-боху» в смелом и, конечно же, неожиданном сравнении сегодняшней ситуации в мире с первоначальным хаосом, сравнении, которое положено в основу стихотворения. На этом построен сюжет, причем построен артистично, с той выдумкой и фантазией, которые всегда создают ощущение новизны в стихах Мартынова:

Знаете ли вы,
Что такое тоху-во-боху?
Это библейское слово обозначает первоначальный
хаос,
Неразбериху и суматоху.

Уже само интригующее начало непременно заставит вас, знающих Мартынова, насторожиться. Вы ждете, как развернется сюжет стихотворения. Начало его обыденно: «Словом, ненастье опять началось». Дождь, наводнения, потопа... Это все пока, после обещающего начала, поэтическая экспозиция: внимание читателя привлечено, интерес его нарастает, он подготовлен для неожиданности, но какой?

И тогда
На одной из самых больших европейских рек
Появилось не что иное,

Как самый обыкновенный Ноев ковчег.
Он причалил к причалу.
Все кинулись интервьюировать Ноя.

Сказка! Веселая фантастика! Библейский миф о Ноевом ковчеге и сам прародитель Ной в роли знатного путешественника! Добыча жадных до сенсаций газетных корреспондентов! Это занятно, но для чего все это? Чтобы повеселить читателя? И в самом деле, что-то занятное говорит этот Ной:

— Господа,
Как это можно, чтоб в нашу эпоху
Этот новый потоп поглощал города
И, увы, буги-вуги плясала вода
В стиле старобиблейского тоху-во-боху!

Чудак Ной! Старый добродушный ворчун... Но нет, оказывается, он не такой уж чудак:

Вы, стремящиеся завершить то, что Господу Богу
не вполне удалось,
То есть окончательно упорядочить первоначальный хаос,
Вы, в небеса возносящиеся подобно Еноху,
Почему же, ответьте на этот вопрос,
У себя на земле допускаете старобиблейское
тоху-во-боху?

Вы,
Овладевающие луной,
Создающие циклотроны и продающие изотопы,
Неужели не можете справиться даже с этой одной
Из самых культурнейших рек Европы?

Теперь яснее раскрывается замысел, яснее становится, что дело тут не в каком-то конкретном факте наводнения или угрозы потопа на «одной из самых культурнейших рек Европы». Горестный вздох в конце стихотворения разрешает сюжетную догадку. Именно в последних строках раскрывается интригующий смысл первой строфы — сравнение нынешней ситуации в мире с первоначальным хаосом:

О, человеческая семья!
Неразбериха и толчея
Так разрастаются час от часу,
Что, кажется, буду не в силах и я
Вам запустить голубку Пикассо!

Нет, это не сказка. И не веселая фантастика. Воображение смело сблизило времена, заострив ситуацию, заключив ее в остроумный сюжет. А в результате — взволнованное размышление о жизни, о мере ответственности человека за все, что происходит на земле.

Не кажется мне органичным в этом стихотворении лишь самый финал, строки о «голубке Пикассо». Реминисценция звучит здесь не столь сильно, как собственное слово, и хочется более значительного завершения. Тем не менее стихотворение захватывает

остротой и размахом мысли, эмоциональной сосредоточенностью, необычностью поэтического воплощения большой темы.

В контексте послевоенной лирики Мартынова стихотворение «Тоху-во-боху» органично не только потому, что посвящено актуальной и близкой поэту теме мира на земле. С нею перекрещивается глубинная тема мартыновской лирики: эволюция человеческой психики. Пещерный пращур и современный человек, — на этом перекрестке возникает цепь аналогий, эмоционально обжигающих.

Наиболее характерным в этом ряду является стихотворение «Тритоны». В нем есть и трудно прослеживаемые ассоциации, и почти прямые выводы назидательного характера. Вспомнить о нем стоит потому, что «Тоху-во-боху» развивает идею «Тритонов» и некоторых других стихотворений этого плана.

В «Тритонах» подспудно живет мысль о том, что в нынешнем мире порою делается нечто способствующее пробуждению первобытных страстей и низменных инстинктов. Интерес к древности важен, чтобы «объяснить ушедших дней непознанную тайну», соединить «времен оборванную нить» (в этом же пафос стихотворений «Башкирская пещера», «Когда раскапывали Помпею...»). Главная мысль стихотворения «Тритоны» сформулирована вполне недвусмысленно:

Пусть оживут
И мастодонт и ящер,
Но только, чур, пускай не чересчур
В нас оживает наш пещерный пращур
В седой одежде из звериных шкур.

Пещерный пращур в современном человеке — защитнике старого мира — вот что заботит Мартынова. Это он, пещерный пращур, возрождает на земле «первоначальный хаос», это он напитал кровью землю на Курской дуге («Курский выступ»).

В стихотворении «Тоху-во-боху» эффект нравственного осуждения первобытных страстей усиливается неожиданными аналогиями. Он возникает из раздумий об эволюции человеческой психики и обстоятельств общественного бытия.

Такова уж особенность Мартынова: он мыслит масштабно, большими категориями. Порою это создает впечатление некоей умозрительности, порою в его стихах действительно встречаются умозрительные построения, но значительно чаще поэт достигает художественного эффекта, свободно «передвигаясь» во времени и пространстве, давая волю воображению. Достаточно назвать такие стихотворения последних лет, как «Отмечали вы, схоласты...», «Овидиополь», «Афродита», «Стикс», «Голос природы» и другие, чтобы убедиться в этом.

Масштабность и историчность мышления стали той особенностью поэзии Мартынова, которая позволяет узнавать его стихи буквально по нескольким строкам. Можно было бы сказать, что это черта стиля, сложившаяся за многие годы творческой работы. В 20-е годы Мартынов, тогда еще совсем юный, начинал как поэт

сугубо современный. А затем, уже в 30-е годы, он написал ряд исторических поэм, составляющих интереснейшие страницы поэтической летописи Сибири, и написанию их предшествовала исследовательская работа в архивах.

Чем же объяснить, что, поэт глубоко современный, он погрузился вдруг в прошлое, в седую старину? Мартынову в начале пути, как и ныне, в пору зрелости, присуще было острое ощущение движения времени. Это, может быть, одна из главных особенностей его таланта. В 30-е годы Мартынов, по его же признанию, как-то особенно ощутил взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего. Прошлое легло на его плечи тяжестью боярской шубы — настолько сильными были вызванные им впечатления. Надо было освободиться от этих впечатлений, чтобы вернуться к современности. Надо было вырваться из сказочного Лукоморья, чтобы вновь окунуться в бурлящий котел современности.

Опыт поэтического освоения исторической темы не прошел даром для Мартынова. Не потому ли так свободно и прихотливо парит его воображение во времени и пространстве! Не потому ли так неожиданны и порою фантастичны его исторические аналогии!

Сопоставление имен Гегель, Гоголь и Ван-Гог вряд ли надо комментировать, по-видимому, оно возможно только в стихах Мартынова. Имена могли быть, наверное, и другими, и если что немного отвлекает от сути, так это кокетливое поигрывание звуком «г» из строки в строку. Но зато с какой свободой и непринужденностью поэт проводит исторические аналогии и перебрасывает мостик в наше время!

А вот другая половина стихотворения могла бы быть более активной по мысли. Впрочем, может быть, я не прав. Какая идея заложена в этих строках?

Ну,
А мы?
Живем в соседних странах,
Может быть, в соседних городах,
Вместе мчимся на катоморанах,
На аэропланах, в поездах.
Видимся. Но выявить все то, что
Составляет близость наших дней,
Не вольны ни телеграф, ни почта —
Это
Выявится
Лишь поздней!

Пассивная позиция, фиксирующая особенность сегодняшней жизни, ее сложность, невозможность достичь взаимопонимания, близости между людьми, живущими в разных странах и городах... Тут, пожалуй, недостает какого-то толчка, чего-то такого, что побуждало бы к активной работе мысли.

Истинная поэзия стремится уловить дыхание времени, ритм, голоса, краски, тревоги, думы — уловить его пафос. Для Мартынова

время — категория диалектическая. Сегодняшний день осмысливается им в сопоставлении прошлого с настоящим и настоящего с будущим, в диалектике их преемственности и обновления. Ощущение трехмерности времени раздвигает границы познания. Эта «трехмерность» и создает ощущение простора, воздуха. Настоящее видится с разных временных инстанций: из прошлого, из будущего и в миг его свершения.

В стихотворении «Близость» движение времени дано лишь в ретроспекции, вторая его часть статична.

И дело, разумеется, не в том, чтобы подсказать какой-то выход из сложившейся ситуации. Дело в мобилизации читательского воображения, в создании эмоциональной атмосферы. Стихотворение «Курский выступ» тоже не содержит каких-либо обобщений и выводов, но оно активно воздействует на читателя. По внешним признакам — это пейзажное стихотворение, но оно тоже обращено в историю и проникнуто идеей патриотизма. История — это человеческий опыт. Поэт не историк, но он утверждает, что история есть достояние общее. А мир стар, ему миллионы лет. Чтобы понять историю, надо ощутить естество и плоть мира.

В «Курском выступе» эмоциональная память поэта воскресила недалекую историю. Стихотворение начинается картиной позднего лета или, может быть, ранней осени, а в конце возникают образы настороженной к врагу природы:

Там, где жив пастух с дудою,
Вздогнули в лугах стога,
Будто вспомнили врага.
Это — Курская дуга:
Вечно дышит кровь — рудою!

Стихотворение написано тонко, артистично, так, как умеет Мартынов. Но прямых выходов к обобщениям или выводам в тексте мы не найдем.

Да они и не нужны. Поэт создал эмоциональную атмосферу, которая передается читателю и настраивает его так, как хочет он, поэт, внушает ему сознание ответственности за этот прекрасный сегодняшний день и чувство безмерной благодарности к тем, чья кровь пропитала луга и поля России, кому обязаны мы возможностью наслаждаться красотой природы... Многообразна гамма чувств, возбуждаемых стихотворением «Курский выступ», нравственно возвышающих человека напоминанием о трудном и героическом прошлом России.

«Близость» и «Курский выступ» — стихотворения очень разные. «Курский выступ» начинается с пейзажа. Завязь образной идеи возникает открыто, в переживании, выраженном через образы природы.

В «Близости» эмоциональная атмосфера только намечается. Когда поэт сопоставляет историю с сегодняшним днем и огорчается разобщенностью людей в наше время, он не включает в эту атмосферу читателя, не возбуждает у него желания поразмыслить,

пообещав, что «это выявится лишь позднее!». Поэт ставит точку там, где ставить ее, пожалуй, было бы не надо.

Наконец, еще одно стихотворение из публикуемого цикла характерно для Мартынова как поэта, мыслящего масштабно, свободно оперирующего фактами истории при осмысливании проблем «вечных» или сегодняшних. Это стихотворение «Библиотека Грозного».

Опять интригующее начало:

— Неужели думаете серьезно Вы,—
Спрашивают у меня друзья,—
Обнаружить библиотеку Грозного?

Опять несколько пространная поэтическая экспозиция, играющая роль некоей закваски, возбuditеля интереса, как раньше у старых и бывалых сказочников присказка (сказка будет впереди!). И что еще роднит эту часть стихотворения с присказкой, так это речь, столь близкая к разговорной, столь далекая от книжности, что, кажется, вложи ее в уста сказочника, и мы почти поверим в ее «фольклорное» происхождение...

— Да,— отвечаю я,—
Я не определил еще,
Где затаилось в земле
Это книгохранилище,
Но, возможно, и не в Кремле,
А скорее всего уворовано
В годы смут, и по нынешний день
В Подмосковье оно замуровано,
Под одну из деревень,
И как следует недочитано,
Неразобрано до конца,
Под развалинами лежит оно
Я не знаю какого сельца.

Такова уж особенность стилистики Мартынова, что даже в самых сложных стихах он редко отказывается от разговорной основы. Его интеллектуализм не оставляет впечатления книжности, отвлеченной мудрости — так демократична по своей природе сама манера его поэтической речи, так доверительна интонация, с которой он размышляет про себя или ведет беседу.

Но как же проецируется «Библиотека Грозного» на современность?

Поэт пытается представить себе, что скрыто в ней, в этой пропавшей библиотеке. Может быть, «с латинского перевод о жестокости нечеловеческой. А быть может, и, наоборот, о терпеливости ангельской», может быть все что угодно...

Но что бы там ни было обнаружено,—
Не изменится ничего,
Ибо люди дали заслуженно
Государю прозвание его.

Вот какой поворот сюжета дан в стихотворении, вот, оказывается, для чего оно написано: чтобы показать, что «никакая не сможет силища превратить злодеяний в добро», что о человеке-то надобно судить по его делам, а не по антуражу.

Казалось бы, мысль не новая, но ведь и проблема отношения к человеку, оценка его никогда, как говорится, не снималась с повестки дня, она всегда остается актуальной. Искусство, в том числе и поэзия, никогда, наверное, не перестанет исследовать человеческую душу, и художники не раз придут к сходным выводам в своем отношении к добру и злу. И сила убеждения будет у тех из них, которые найдут своеобразные, неповторимые и потому наиболее действенные сюжеты, образы, повороты мысли.

Мартынов показал себя с неожиданной стороны. Неожиданность заключена прежде всего в оригинальном сюжете, утверждающем идею отношения к человеку по его деяниям, и в парадоксальной концовке:

Факту этому для простофиль
Отыскать подтверждение некое
Окончательно я хочу,
И поэтому библиотеку я
Все настойчивее ищу!

Мне хочется повторить, что историзм поэтического мышления утвердился в творчестве Мартынова как результат огромной практической работы его как историка в соединении с аналитическим даром и даром синтеза, умением переплавить наблюденный материал в образы и новую «систему понятий». Это целая школа — школа познания и мастерства.

В новом цикле представлены новые варианты, новые поэтические пробы разного эстетического свойства, они интересны уже тем, что не встречались раньше в его стихах, что оригинальны и свежи, несмотря на некоторую спорность образных решений, которая не так уж редка была у Мартынова в прошлом.

Мне уже приходилось говорить о слабых сторонах творчества Мартынова, и, вероятно, этими соображениями не исчерпываются возможности критического анализа. Но одно можно утверждать с полным основанием: Мартынов не поддается влияниям моды, не потрафляет мещанским вкусам и не отвечает спросу на стихотворный ширпотреб. Мартынов выше этого, ибо он — поэт. Говоря об имеющихся, на мой взгляд, слабостях в творчестве Мартынова, я с легкостью прибегну к давно открытому способу находить их в продолжении достоинств.

Усложненная метафоричность, многозначная символика как особенности образного мышления Мартынова блестяще материализуются во многих стихотворениях, там, где поэтическое здание строится на прочном фундаменте реальности, общественного и личного опыта. Когда поэт отрывается от конкретной сути явлений, эта же особенность уводит его в область абстракций. Поэтический символ тогда теряет очертания, теряет художественную убедительность, без

проекции на определенные явления он становится расплывчатым, бесплотным.

Ведь, скажем, образы-символы в стихотворениях «Вода», «След», «Эхо» и других весьма многозначны и тем не менее художественно убедительны. Фантастический образ-символ, развернутая метафора, как бы они ни были смелы и оригинальны, связаны с реальностью. Связь эта опосредствованна, порою еле уловима (такие стихи требуют от читателя активной работы мысли, сотворчества), но она существует. Это кровеносная система стихотворения: стоит нарушить ее и прекратится жизнь, стихотворение станет схемой.

В некоторых же стихотворениях связь с реальными событиями жизни непостижима для читателя потому, что спрятана в слишком субъективных ассоциациях. Тогда и в понимании стихов возможен читательский произвол, ибо оно, это понимание, ничем не обусловлено.

Мартынов — замечательный мастер стиха, виртуозно владеющий всеми секретами стихотворчества. Артистизм, изящество поэтической формы у Мартынова вызывают восхищение. Но чувство меры в этом своем искусстве поэт теряет именно тогда, когда рвутся ниточки связи с реальной основой стиха, когда поиски глубины, сути уступают место версификации как таковой, то есть технологии.

Такие стихи без больших усилий можно рассыпать на части, поставив под перекрестный огонь критики. Вот стихотворение из нового цикла — «Спиной к спине». Совершенно очевидно, что здесь поэт не ставил перед собой особой формальной задачи, что здесь он стремился выразить какую-то значительную идею. Но какую?

Я отсылаю читателя к этому стихотворению, чтобы не цитировать его, и прошу попытаться «разгадать» эту парадоксальную ситуацию. Возможно, кому-нибудь это удастся, ведь поэт, несомненно, имел в виду какие-то реальные явления. Но дело-то в том, что характер аналогий может быть произвольным и, возможно, не таким, каким видел его автор.

Мне, например, кажется, что здесь отразился некий «антимир», жестокий и чуждый, но какие-то детали образной структуры не позволили сделать определенный вывод, и я честно сложил свое критическое перо перед непостижимым для меня смыслом стихотворения «Спиной к спине»...

Не знаю, уместно ли здесь это признание, но я очень люблю поэзию Мартынова. Тем труднее бывает писать о том, что я в ней не принимаю. Но, высказывая критические суждения о стихах Мартынова, нельзя ни на минуту забывать о том, что он враг поэзии обкатанной, иллюстративной, догматической. Он дерзко вторгается в область незнаемого, неузнанного, имеющего огромную притягательную силу.

О, если бы писали мы
О том лишь, что доподлинно известно,—
Подумайте, о трезвые умы,
Как было бы читать неинтересно!

Не думал бы Колумб, что Индии достиг,
И Данте не изобразил бы ада,
И множества других докладов, песен, книг
Была бы недоступна нам услада.

Пойду — у папы римского спрошу:
— В непогрешимости удобный догмат
Вы верите еще? —
И точно опишу,
Как губы папы
От улыбки
Дрогнут.

Таково его понимание поэзии, выраженное веско, точно, оригинально.

Мартынов не всегда пишет о том, что ему «доподлинно известно». Нередко он обнажает перед читателем свои поиски, раздумья, недоумения, приглашая вместе с ним поразмышлять, порадоваться или огорчиться. С этого начинается взаимное доверие и понимание. В этом ряду стоит стихотворение «Черно-бурая жертва». Оно не предполагает готовых суждений, но наводит на глубокие раздумья. И это стихотворение имеет оригинальный сюжет. Вообще мастерство Мартынова в построении лирических сюжетов не знает себе равных в современной советской поэзии и заслуживает особого разговора. Сюжеты его всегда оригинальны, остроумны, неожиданны, через сюжеты дается новый поворот мысли, в сюжетах «сокрыта» динамическая сила многих стихотворений Мартынова.

Начало «Черно-бурой жертвы» несколько вяловато, строки о прошлогодних и сегодняшних нарядах еще не настраивают на ожидание чего-то необычного. Собственно, сюжет приобретает остроту после слов: «Но хотя и по-новому скроены шкурки звериные, а одно остается как древле...» Вот тут, зная мартыновскую способность преподносить читателю острые наблюдения и искушать его новизною впечатлений, мы ждем сюжетного поворота. Вот он:

О, как он знаком,
Этот запах лисы или норки, бобра или котика!
Я уверен, что ты занесешь и в иные миры
Этот запах. Сильнее не знаю наркотика,
Чем смешение этого духа духов и мездры.

Какое точное наблюдение и какой давний опыт заключен в нем! Строки Мартынова возбуждают смешанное ощущение чего-то первобытного, давнего-давнего, связанного с пещерным жильем и одеждой из звериных шкур, опасностями охоты на хищников, и архисовременного, модного.

Опять это смелое сближение времен, опять мартыновские масштабы ассоциаций, ибо мысль поэта забегает вперед, предполагая, что в грядущем обо всем этом будут думать, «как о страшной жестокости, гадости, что какие-то дьяволы, шкурки содрав со зверьков, превращали их в шубки и шапки, чтоб ты, улыбаясь от радости, грелась смертью животных». Драматизм этих размышле-

ний вызван внутренними противоречиями, неопределенностью собственной позиции. Поэт кончает стихотворение, так и не выразив своего отношения к предмету раздумий, не ставя точки.

И хотя и тебя все сильнее влекут магазины синтетики,
Где прозрачные ангелы реют в химически-чистых плащах,
Ты несешь, отвергая законы эстетики, этики,
Черно-бурую жертву на розово-алых плечах!

Когда-то семнадцатилетнего Мартынова пленила «нежная девушка новой веры», пахнувшая овчиной, в рукавичках и пимах, с револьвером в кармане и алым значком на папаше. Тогда он пророчествовал: «Памятны будут на тысячи лет мех полушубка горячий, колючий и циклопический девичий след».

Лет десять назад в стихотворении «Меховые цветы» Мартынов писал:

Будет снег,
Будет блеск острых зубок,
Будут где-то и шкур вороха —
Белый век синтетических шубок
Неподдельные ценит меха.

Это обобщение идет не от первого лица, но эмоциональный строй стихотворения дает основание сказать, что и сам поэт разделяет его. Но прошли годы, и однажды возникла мысль о том, что не так уж бесспорно сделанное когда-то обобщение, что есть еще и другая сторона явления — этическая. Она-то и вызвала к жизни стихотворение «Черно-бурая жертва». Так с наступлением творческой зрелости усложняется взгляд на мир.

В «Черно-бурой жертве» размышления поэта не имеют логического завершения и, стало быть, требуют активного читательского сотворчества. Не менее, а возможно, и более активной работы мысли и сотворчества требует и стихотворение «Оракул», — но уже по другой причине.

Мартынов охотно пользуется поэтическими символами в тех стихах, где нет конкретных, зримых примет явления, но где сконцентрирован душевный опыт поэта, где осмысливается сущность явлений. Поэтические символы всегда многозначны и, стало быть, дают большую свободу в их истолковании. Возможно, поэтому тут чаще всего и скрещиваются разные мнения. Казалось бы, бесспорна оценка стихотворения «Вода», ставшего почти хрестоматийным, но тем не менее в критике можно встретиться с разным его пониманием.

Стихотворение «Вода» — характерный для Мартынова образец содержательной и многозначной символики, и все-таки его легче истолковать, чем стихотворение «Оракул».

Кто-то
Горестно заплакал,
Кто-то к небу руки тянет.

Слышу:
— Вот уже оракул
Правду скажет, не обманет!

Не извечна ли эта привычка людская в дни бед и несчастий ждать вешего слова «оракулов», верить им, надеяться на них! Тем более что неиссякаема рать пророчествующих...

Весь дальнейший контекст стихотворения представляет собою сопряжение двух планов, двух эмоциональных потоков. Внешне как будто ясно, что поэт перевоплощается, представляет себя в роли оракула, и вместе с тем он смотрит на себя с каким-то неуловимым оттенком отчуждения. Обратите внимание:

Я стою,
Спокойно глядя
Взором ясным и бездумным.

Я оракул.
Где-то сзади
С механизмом хитроумным
Возятся жрецы.

Но полно!
Попусту все их старанье,
Я оракул. И безмолвно
Хмурое мое молчанье.

Здесь все время ощущается двойное зрение, двойная позиция. С одной стороны, поэт берет на себя роль оракула, с другой — он словно бы прячет в эпитеты отчуждение (взор оракула «ясный и бездумный», а молчанье «хмурое»).

Во что же выльется это дуалистическое отношение к явлению? Определится ли оно как отношение художника или окажется завуалированным приемом перевоплощения?

Но вот последние строки, и я снова перед загадкой авторского замысла.

Слышите: молчит оракул,
Понимаете: молчит он.

Это будет грозным знаком:
Знайте — приговор прочитан.

Что тут авторское и что идет от «лица оракула»? Какое предостережение и кому?

Перед нами один из сложнейших вариантов многозначной мартыновской символики, которая, разумеется, не может быть одинаково принята всеми читателями.

Пророк и толпа, поэт и народ — какая из этих взаимосвязей сокрыта или открыта в мартыновских ассоциациях? В 1951 году Мартынов провозгласил: «Я не терплю пророков...» В другой раз он убежденно констатировал, что «великие пророчества неминуемо сбывались». Значит, априорно здесь нельзя вывести формулу отрицания? Тогда как же прочесть конец стихотворения?

Первые две строки можно прочесть и от лица оракула, тогда они прозвучат как предостережение, как попытка придать себе больше значительности, а следующие строки могут в этом случае показаться прямой угрозой кому-то...

Значительно больше оснований (учитывая эмоциональные нюансы предыдущих строк) прочесть в первом двустишии иронию, идущую от лица поэта, и тогда мы смело можем в последних строках увидеть уже приговор оракулам и пророкам, оказавшимся несостоятельными перед лицом каких-то грозных и значительных событий.

Допускаю, что может быть иное прочтение «Оракула», но не вижу возможности читательского произвола, искажающего нравственный смысл стихотворения. Вообще же такие стихи читать нелегко, но они и не рассчитаны на воскресное развлекательное или улаждающее чтение, они требуют активной работы мысли, воображения.

Новый цикл стихов Мартынова, опубликованный в этом номере журнала «Вопросы литературы», дает представление о разных сторонах богатой и многогранной творческой индивидуальности поэта, но отнюдь не исчерпывает его. Цикл этот по-своему самостоятелен, ибо в разных измерениях здесь осмысливается связь времен, мир и антимир современного человека, его нравственные критерии. Мы еще раз убеждаемся, как нов и неожидан бывает Мартынов в каждом новом цикле стихов, даже если обращается к проблемам общим и уже бывшим предметом поэтического осмысления самого Мартынова ранее. Мы еще раз убеждаемся, что эмоциональная пружина его стихов заключена в движении мысли, в ее масштабности и значительности, во все большем наполнении образа, в углублении поэтического подтекста, что энергия мысли идет от энергии чувства.

Именно эти особенности сделали в 50-е годы Мартынова главой интеллектуального направления нашей поэзии. Мы не привыкли к такой терминологии, и я понимаю, насколько рискованно мое определение и стихов Мартынова, и направления в поэзии. Но я вижу в Мартынове поэта-мыслителя, который вместе с Заболоцким, а потом и после него не только продолжил, но и развил и углубил традиции русской философской лирики, той ее ветви, которая начинается от Ломоносова, в XIX веке захватывает Баратынского, а в XX — Брюсова.

В 50-е годы лирика Мартынова нашла очень широкий отклик, она стала явлением духовной жизни общества, и вполне естественно, что нашла себе последователей в лице поэтов новых, более молодых поколений. В той или иной мере влияние Мартынова испытали на себе Б. Слуцкий, Д. Самойлов, Е. Винокуров, К. Ваншенкин, С. Куняев и, я думаю, А. Вознесенский. Впрочем, перечень можно не продолжать, иначе пришлось бы назвать и ветеранов, которые, оставаясь самими собой, тоже в какой-то мере включились в сферу влияния мартыновской поэзии, ощутили на себе ее обновляющий интеллектуальный пафос. Но тут всегда надо помнить об обстоятельствах, благоприятствующих мыслителям и фантазерам.

Интеллектуальная поэзия отвечала и отвечает духу времени, спросу читателей. Резонанс лирики Леонида Мартынова подтверждает этот вывод.
